

Нелидов Федор Федорович

Максим Грек

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Ф33

Ф33 **Федор Федорович Н.**
Максим Грек / Нелидов Федор Федорович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 40 с.

ISBN 978-5-519-98940-4

ISBN 978-5-519-98940-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ронима и чувства благоговѣнія къ священному иноку. Этотъ иннокъ, по словамъ Максима, „преполонъ всякія премудрости — и разума богодохновенныхъ писаній и виѣшняго наказанія, сирѣчь философіи, подвижникъ презѣленъ и божественною ревностью довольно украшаемъ“. Изображая силу „богодохновенныхъ ученій“ его, Максимъ передаетъ интересный разсказъ, свидѣтельствующій о нравственномъ вліяніи знаменитаго проповѣдника на общество. „Сынъ одной убогой флорентійской вдовицы нашелъ на улицѣ мѣшокъ съ пятью стами золотыхъ. Онъ отнесъ его своей матери, а она не возрадовалась тому, что такой находкой можно избыть свою нужду, и не скрыла мѣшокъ у себя, а отнесла къ священному учителю и сказала: видишь, учитель, мошну, которую нашелъ мой сынъ; возьми и возврати потерявшему, чтобъ онъ не скорбѣлъ объ этомъ. Удивился Савонарола правдолюбивому нраву вдовы и, благословивъ, отпустилъ ее. Въ одинъ день, по окончаніи поученія во храмѣ, онъ возопилъ: если кто потерялъ какое имущество, выдь на середину и скажи количество потеряннаго и опиши мѣшокъ, и день, когда потерялъ ты, назови, и получишь свое. И потерявшій вышелъ и сказалъ, когда онъ потерялъ и сколько, и описалъ мѣшокъ. Возвращая мѣшокъ, Савонарола сказалъ ему: возьми, юноша, свое и утѣшь убогую вдовицу, какъ произволяешь, ибо избавила она тебя отъ большой скорби. Тотъ далъ ей сто золотыхъ съ большою радостію. „Вдову сію, прибавляетъ Максимъ, сравнить можно со вдовою, хвалимой въ евангеліи ради двухъ лентъ, ибо та въ своемъ маломъ показала боголюбіе, а эта въ чужомъ и многомъ свое правдолюбіе и челоуѣколюбіе“. Далѣе онъ разсказываетъ о томъ, какія грустныя оскорбленія приходилось переносить проповѣднику отъ противившихся его ученію, и какое онъ проявлялъ „долготерпѣніе и Спасову кротость“ къ врагамъ своимъ, желая одного — всеобщаго спасенія. Съ глубокимъ чувствомъ говоритъ онъ о томъ безстрашіи, съ которымъ обличалъ Іеронимъ развращенное римское духовенство и самого папу. Съ негодованіемъ передаетъ разсказъ о коварныхъ дѣйствіяхъ римскаго первосвященника, о несправедливыхъ обвиненіяхъ, которыя взведены были на неповиннаго проповѣдника. Сказавъ наконецъ о трагической кончинѣ Савонаролы и двухъ священныхъ мужей, раздѣлившихъ съ

нимъ ту же участь, Максимъ сравниваетъ погибшихъ съ древними защитниками благочестія. Но опасаясь обвиненія въ пристрастіи къ латинской вѣрѣ, считавшейся на Руси и „проклятой“, и „поганой“, онъ осторожно прибавляетъ: „все это я пишу не для того, чтобы показать, что латинская вѣра чиста, совершенна, но чтобы показать православнымъ, что и у не правомудренныхъ латининъ есть забота и прилежаніе евангельскихъ спасительныхъ заповѣдей и ревность за вѣру, хотя и не по совершенному разуму“.

Благоговѣнное удивленіе передъ героизмомъ знаменитаго проповѣдника и то живое сочувствіе ко всей его дѣятельности, которыя сквозятъ чуть ли не въ каждомъ словѣ „Повѣсти страшной и достопамятной“, ясно говорятъ намъ о силѣ правдившаго вліянія Савонаролы на Максима. Нѣтъ сомнѣнія, что дальнѣйшая судьба его рѣшена была здѣсь, во Флоренці, подъ впечатлѣніемъ флорентійскихъ событій. Сѣмена благочестія, заброшенные въ его душу родительскою рукою въ раннемъ дѣтствѣ, пышно возросли подъ благопріятствовавшимъ небомъ Флоренці и принесли плодъ: аскетическій идеалъ въ этой дупѣ уже созрѣлъ. О совершившемся въ немъ нравственномъ переломѣ, въ силу котораго онъ окончательно охладѣлъ къ суетной грѣховной жизни міра, онъ говоритъ въ послѣдствіи въ религіозномъ духѣ, приписывая его милосердію пекущагося о спасеніи всѣхъ Бога, который, сжалившись надъ нимъ, озарилъ его мысль и избавилъ отъ гибели вмѣстѣ съ тамошними „предстателями нечестія“. Одинъ изъ біографовъ Максима дѣлаетъ весьма вѣроятное предположеніе, что „религіозное созерцаніе и мистицизмъ рано стали господствующею чертою его характера“. Такимъ образомъ, поступленіе его въ монастырь, совершившееся вскорѣ по возвращеніи изъ Италіи, объясняется и вышеизложенными обстоятельствами его жизни, и его характеромъ.

По, какъ человѣкъ образованный, онъ, по словамъ біографа, искалъ такой обители, гдѣ можно было бы предаваться не однимъ иноческимъ подвигамъ, но и занятіямъ умственнымъ. Монастыри Аѳона, издавна славившіеся своимъ книжнымъ богатствомъ, болѣе всего привлекали его вниманіе. Изъ нихъ онъ выбралъ обитель Ватопедскую, которая была богаче всѣхъ другихъ обителей Аѳона книгами.

Здѣсь въ теченіе десяти лѣтъ онъ приобрѣлъ очень обширныя

свѣдѣнія по церковной литературѣ и усвоилъ окончательно аскетическій взглядъ на свѣтскую науку. Слѣдуя Іоанну Дамаскину, по мнѣнію котораго истину можно познавать только смиреніемъ, а не „пестрыми умышленіями виѣшней мудрости“, Максимъ началъ называть науку „рабынею богословія“, „виѣшней мудростію“, а пытливый разумъ— „лжеименнымъ“. „Словеса виѣшнихъ мудрецовъ“ допускается изучать только потому, что и въ нихъ можно, по его мнѣнію, найти душеполезное. Однако, несмотря на то, что онъ глубоко проникся взглядами Дамаскина и подобныхъ ему писателей византійскихъ, не смотря на десятилѣтнее пребываніе въ монастырѣ, въ немъ всетаки остались слѣды европейскаго образованія, не допустившіе его сдѣлаться врагомъ и гонителемъ просвѣщенія. Какъ увидимъ впослѣдствіи, въ немъ очень часто изъ-подъ монашеской религіозной исключительности выказывался умный и просвѣщенный человѣкъ, который признавалъ за образованіемъ нравственное и общественное значеніе. Можетъ быть, русское невѣжество и связанное съ нимъ огрубѣніе нравовъ, съ которыми ему суждено было встрѣтиться въ Россіи, убѣдительноѣ всего подѣйствовали на Максима въ этомъ направленіи.

Находясь въ обители Ватопеда, кромѣ книжныхъ трудовъ, онъ совершалъ и другіе труды, лежавшіе на обязанности аѳонскаго инока: былъ посылаемъ, по его же словамъ, „по милостыню“ и „свѣтло проповѣдывалъ православную вѣру“.

Въ 1515 году на Аѳонѣ пришло письмо отъ великаго князя московскаго Василя Ивановича съ просьбою прислать съ посланными его Василемъ Копыломъ и Иваномъ Варавинымъ „изъ Ватопеды монастыря старца Саву, переводчика книжново на время, а тѣмъ бо есте намъ послужили, а мы *оужь дастъ Богъ, ею пожеловавъ, опять къ вамъ отпустимъ*.“ Но старецъ Савва былъ уже такъ дряхлъ, что не могъ выдержать далекаго путешествія, и потому, вмѣсто него, братія рѣшила послать инока Максима, „свѣдущаго въ божественномъ писаніи и способнаго къ изъясненію и переводу всякихъ книгъ...“ Максимъ совсѣмъ не зналъ ни русскаго, ни церковно-славянскаго языковъ, но его филологическое образованіе и выдающіяся способности позволяли надѣяться аѳонской братіи, что онъ „и русскому языку борзо (скоро) навыкнетъ“.

Вмѣстѣ съ нимъ отправили еще грека, болгарина и русскаго, можетъ быть, въ томъ предположеніи, что они будутъ помощниками Максиму при переводѣ, а, можетъ быть, и просто за милостынею. Патріархъ константинопольскій также принималъ участіе въ выборѣ переводчика, но у него были свои особые соображенія. Максимъ былъ человѣкъ образованный, хорошо зналъ положеніе церковныхъ дѣлъ на западѣ, отличался горячимъ патріотизмомъ и поэтому, по мнѣнію патріарха, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, годился для представительства и защиты въ Москвѣ интересовъ византійскихъ. Въ своемъ письмѣ къ митрополиту московскому Варлааму, патріархъ Θεολιπτς, изобразивъ бѣдственное положеніе греческой церкви, проситъ „поспѣшить ей на помощь дѣломъ и словомъ“. Максимъ, какъ увидимъ, не обманулъ ожиданій Θεολιπта и горячо отстаивалъ и политическіе, и церковные интересы своей родины во время пребыванія въ Москвѣ.

По пріѣздѣ въ Москву въ 1518 году, Максимъ былъ принятъ весьма радушно: ему отвели помѣщеніе въ Чудовомъ монастырѣ, а содержаніе назначили отъ великокняжескаго двора. Съ этого времени его жизнь и дѣятельность всецѣло принадлежатъ Россіи. Не смотря на ясно выраженное въ письмѣ великаго князя обѣщаніе отпустить книжнаго переводчика домой, когда минуется въ немъ надобность, Максиму не суждено было вернуться на Аѳонъ. Сверхъ всякаго ожиданія съ его стороны и помимо его желанія, ему пришлось стать русскимъ дѣятелемъ, войти во всѣ духовные интересы тогдашней русской жизни и принять самое дѣятельное участіе во всѣхъ вопросахъ, волновавшихъ современное ему русское общество.

Поэтому мы считаемъ необходимымъ разсказу о жизни и дѣятельности Максима въ Москвѣ предпослать бѣглый очеркъ состоянія русскихъ умовъ и нравовъ XVI вѣка.

II.

Занесенные къ намъ изъ Византіи вмѣстѣ съ христіанствомъ начатки знаній служили исключительно средствомъ къ утвержденію и распространенію новаго вѣроученія, и имъ не суждено было выбиться изъ круга церковныхъ предметовъ, выработаться въ свѣт-

скую науку и дать жизнь свѣтской литературѣ. Древне-русская школа оставалась почти вплоть до реформъ Петра школою простой грамотности съ характеромъ церковно-служебнымъ. Въ глазахъ свѣтскаго человѣка она по этой причинѣ теряла всякую привлекательность, всякій интересъ. Уже съ XII вѣка у русскихъ людей складывается прочное убѣжденіе, что грамотность и книжныя знанія нужны только церковнику. Въ тотъ періодъ времени, когда Русь собиралась вокругъ Москвы, и въ великорусскихъ областяхъ складывалось сильное единоедержавное царство Московское, уровень знаній не повысился, а скорѣе понизился. Если встрѣчаются въ это время заявленія о необходимости школьнаго обученія, то только со стороны духовенства и для духовенства, и вызываютъ ихъ исключительно церковныя пужды. „А се приведутъ ко мнѣ мужика, говоритъ архіепископъ Геннадій въ своемъ знаменитомъ посланіи къ митрополиту Симону, и язъ велю ему апостолъ дати чести, и онъ не умѣетъ ни ступити, и язъ ему велю псалтырю дати, и онъ и по тому одва бредеть, и язъ его оторку (откажу)... А моеѣ силы нѣтъ, что ми ихъ не учивъ ставити (т. е. ставить въ священнослужители). А язъ того для челомъ бую государю, чтобы велѣлъ училища учинити“... Далѣе драгоцѣнное посланіе Геннадія объясняетъ, какого рода училища желательны съ его точки зрѣнія. „А мой совѣтъ о томъ, что учити во училищѣ, первое азбука граница истолкована совѣмъ (т. е. азбука со всѣми гранями—отдѣлами), да и подтительныя слова, да псалтыря съ слѣдованіемъ (т. е. съ возслѣдованіями—съ присовокупленіемъ простыхъ службъ вечерни, утрени и нѣкоторыхъ другихъ дополненій) накрѣпко; и коли то изучитъ, можетъ послѣ того проучивая и конархати (т. е. канонархати. Канонархъ—церковнослужитель, объявляющій, при нѣніи канона обоими клиросами, сначала гласть, а потомъ и самыя слова канона) и чести всякыя книги“. Немногого, какъ видно, желалъ Геннадій для новыхъ училищъ, по современная ему дѣйствительность была далека и отъ этихъ ничтожныхъ требованій. Школъ, какъ можно догадываться изъ дальнѣйшаго содержанія посланія, почти совѣмъ не было; учились большею частію у „мужиковъ невѣжъ“, которые „ребятъ учать да рѣчь ему испортятъ“. Эти учителя, „мастеры“, получали, по словамъ посланія, за свою работу

плату сдѣльно: „за ученіе вечерни — кашу да гривну денегъ, за утреню то же или и больше; за часы особо“... Въ половинѣ XVI столѣтія, т. е. пятьдесятъ лѣтъ спустя, царемъ Иваномъ Грознымъ и отцами Стоглаваго Собора было вновь заявлено, что даже самые „мастеры“ малограмотны и силы божественнаго писанія не знаютъ и учиться имъ негдѣ.

Такъ стояло дѣло просвѣщенія въ самомъ образованномъ древнерусскомъ сословіи, въ духовенствѣ. Что же касается остальныхъ сословій, то въ нихъ чаще всего отсутствовала всякая грамотность. „Мы не встрѣчаемъ нигдѣ извѣстій объ образованности князей и вельможъ, говоритъ Соловьевъ, изображая русскіе нравы XV вѣка: о Димитріи Донскомъ прямо говорится, что онъ не былъ хорошо изученъ книгамъ; о Василии Темномъ говорится, что онъ не былъ ни книженъ, ни грамотенъ“. Въ XVI вѣкѣ встрѣчаются записи и грамоты, въ которыхъ сказано, что князья и дѣти боярскія не приложили къ нимъ рукъ за неумѣніемъ грамотѣ. За богатыхъ „гостей“ (купцовъ) по ихъ безграмотству росписываются обыкновенно ихъ духовные отцы. Иностранцы, посѣщавшіе Россію въ XVI и даже XVII вв., часто говорятъ о даровитости русскихъ людей и въ то же время свидѣтельствуютъ о почти поголовномъ безграмотствѣ ихъ. Если и встрѣчались примѣры сравнительно высокой для того времени образованности, то они представлялись отдѣльными рѣдкими случаями и были обыкновенно плодами чужой, не русской школы.

Тогдашняя школа, обучая „четью“, „пѣтью“ церковному и „канонарханію“, не давала знаній, необходимыхъ для жизни свѣтскаго человѣка. Съ помощію одного только навыка, говоритъ Забѣлинъ, велось всякое дѣло: торговое, ремесленное, земледѣльческое, канцелярское, судейское. Легко себѣ представить тѣ непреодолимые затрудненія, которыя долженъ былъ испытывать древнерусскій человѣкъ на каждомъ шагѣ, при полномъ отсутствіи, на примѣръ, ариметическихъ знаній. Извѣстно, что мы почти вплоть до реформъ Петра не были знакомы съ десятичною арабскою системою цифръ, съ самыми простыми ариметическими дѣйствіями, и числа у насъ означались еще буквами; при вычисленіяхъ съ большими числами мы просто становились въ тупикъ, вслѣдствіе чего

и называли десятки тысячъ „тмою“, а сотни тысячъ „невѣдіемъ“; арифметическое „невѣдіе“ заставляло насъ и дробныя числа означать только словесно и притомъ очень мудренымъ способомъ: $\frac{1}{2}$ и $\frac{1}{4}$ еще имѣли простыя названія „пол“ и „четь“, а $\frac{1}{8}$, $\frac{1}{16}$, $\frac{1}{32}$ и т. д. уже не имѣли соответствующаго ихъ значенію названія и обозначались такъ: $\frac{1}{8}$ „пол-четь“, $\frac{1}{16}$ — „пол-пол-четь“, $\frac{1}{32}$ — „пол-пол-пол-четь“; подобнымъ же образомъ $\frac{1}{3}$ называлась „третникъ“, а $\frac{1}{6}$ — „пол-третникъ“, $\frac{1}{24}$ — „пол-пол-пол-третникъ“, $\frac{1}{96}$ — „пол-пол-пол-пол-пол-третникъ“, и т. д. Не больше знали мы и въ другихъ наукахъ. Всѣ наши тогдашнія знанія носили средне-вѣковой полуфантастическій характеръ. Въ то время, когда для западной Европы была уже открыта Америка, нашъ книжникъ, человѣкъ XVI вѣка, черпалъ свои космографическія свѣдѣнія изъ любимой книги Козьмы Индикоплова, относящейся къ началу VI вѣка. Оттуда онъ узнавалъ, что земля есть продолговатый отъ востока къ западу четвероугольникъ, покрытый небомъ, какъ сводомъ, что ночное захожденіе солнца и др. свѣтилъ совершается за высокую гору, находящуюся на сѣверѣ, и т. п. Историческія свѣдѣнія были скудны и перемѣшаны съ поэтическими преданіями. Даже ветхозавѣтная и новозавѣтная исторія была переполнена разсказами изъ книгъ ложныхъ, апокрифическихъ, и древне-русскій книжникъ, при отсутствіи образованія, критики, не умѣлъ отличить подлиннаго отъ ложнаго. Толковая Палей, служившая однимъ изъ главныхъ источниковъ знанія библейской исторіи, есть произведеніе апокрифическое, а между тѣмъ она ставилась въ ряду книгъ „истинныхъ“ и приписывалась Іоанну Златоусту или Іоанну Дамаскину. Митрополитъ Макарій считалъ каноническою книгу Еноха Праведнаго, а она есть произведеніе апокрифическое. Отсутствие необходимыхъ знаній давало себя чувствовать и въ вопросахъ религіозныхъ: при всемъ желаніи сохранить во всей чистотѣ греческое православіе, мы по недостатку знанія распространяли подложныя сочиненія, въ которыхъ сохранялись остатки языческихъ вѣрованій. Исслѣдователи московской старины очень удачно характеризуютъ тогдашнюю образованность словомъ „книжность“. Церковная книга давала рядъ готовыхъ, безспорныхъ религіозныхъ и моральныхъ истинъ. Этотъ книжный матеріалъ усваивался механически,

одною памятью. Человѣкъ, начитавшійся книгъ, могъ говорить „отъ писанія“, т. е. имѣлъ въ головѣ обильный запасъ цитатъ. Для рѣшенія какого-нибудь вопроса достаточно было привести нѣсколько подходящихъ выдержекъ изъ книгъ. Самостоятельныхъ разсужденій не требовалось и даже не допускалось.

Эти свойства школы отразились и на произведеніяхъ духовныхъ писателей того времени. Они представляютъ собою въ большинствѣ случаевъ своды готовыхъ мыслей, занесенныхъ издавна съ чужой стороны и застывшихъ въ неподвижныхъ, какъ бы окаменѣлыхъ формахъ. Таковы въ концѣ XV и началѣ XVI вѣка сочиненія Іосифа Волоцкаго, митрополита Даніила, даже Нила Сорскаго и многихъ другихъ. Византія передала намъ главнымъ образомъ произведенія церковной литературы, которыя и служили нашимъ книжникамъ образцами. Что же касается до произведеній греческой научной литературы, въ особенности классическаго періода, которыми съ усердіемъ воспользовались итальянскіе гуманисты, то они къ намъ почти совсѣмъ не попадали, да и ученые греки, какъ до паденія Константинополя, такъ и послѣ, направлялись не къ намъ, а въ Италію. Подражая византійскимъ образцамъ, наши писатели постоянно вращались въ области чисто церковныхъ вопросовъ и аскетической морали. Если въ видѣ исключенія изрѣдка являлась живая мысль, живое слово, касавшееся текущей дѣйствительности, если при этомъ высказывалось мнѣніе, идущее въ разрѣзъ съ общепринятымъ, то оно тотчасъ клеймилось названіемъ „ереси“ и подвергалось строгому осужденію, хотя бы на самомъ дѣлѣ ничего еретическаго въ себѣ не заключало. Такъ случилось съ Максимомъ Грекомъ; такъ едва не случилось съ Ниломъ Сорскимъ, который уже былъ заподозрѣнъ въ ереси и не подвергся суду только потому, что устранился отъ спора. Въ то время имѣть свои мнѣнія никому не дозволялось; допускалось и одобрялось только „плетеніе словесъ“, т. е. риторическія украшенія при изложеніи готовыхъ истинъ.

Неподвижность русской мысли отражалась и на религіозномъ пониманіи, и на нравственности. Истины религіи и морали были поняты чисто внѣшнимъ образомъ: на первомъ планѣ стоялъ обрядъ, строгое, но чисто внѣшнее, формальное исполненіе предписаній.

Тогдашній богачь акуратно въ извѣстные дни раздавалъ милостыню, но, исполняя эту христіанскую обязанность, нерѣдко осыпалъ нищю братію грубою бранью. Вся сущность христіанскаго ученія, вся вѣра заключалась для тогдашняго книжника въ обрядовомъ благочестіи и въ благоговѣніи передъ буквой писаній. Все, что стояло въ церковной книгѣ, имѣло силу неизмѣннаго догмата. Іосифъ Волоцкій относилъ къ божественнымъ писаніямъ не только произведенія отцовъ церкви и житія святыхъ, но даже и „градскіе законы“. Прибавить, убавить или измѣнить что-нибудь въ церковной книгѣ или обрядѣ считалось величайшей смѣлостью и вызывало суевѣрный страхъ. Помощникъ Максима, писецъ Михаилъ Медоварцевъ рассказывалъ, что когда, по приказанію Максима, онъ долженъ былъ заглазить нѣсколько невѣрныхъ строкъ въ молитвѣ, употребляемой при окончаніи богослуженія, то его „дрожь великая поимала, и ужасъ напалъ“. Лѣтопись сообщала, какъ о крупномъ событіи, извѣстія о томъ, что „нѣкоторые философы начаша пѣти: О, Господи помилуй, а друзіи—Осподи помилуй“.

Грубость нравовъ была весьма естественна, при тогдашнемъ состояніи умовъ. Если нельзя сказать, что образованіе непременно дѣлаетъ человека нравственнымъ, то несомнѣнно однако, что оно возвышаетъ его до болѣе духовнаго пониманія истинъ морали, и что безъ образованія никакая нравственность не можетъ быть прочной: кромѣ хотѣнія добра, нужно и глубокое пониманіе того, что добро и что зло. Несмотря на громкую проповѣдь пастырей церкви о христіанской любви, въ тогдашнемъ обществѣ царилъ духъ эгоизма. „Всегда наслаженіе и упитѣніе, всегда пиры и позорища, всегда бани и лежаніе, всегда мысли и помыслы нечистые“... Такова была жизнь боярина того времени, по словамъ одного изъ проповѣдниковъ. „Червленіе ланитъ“ и „многоплотіе“ (т. е. тучность тѣла), поставлявшіяся въ достоинство знатному лицу, были результатомъ такого образа жизни. Эта жизнь, по словамъ Костомарова, представляла полный контрастъ жизни простолюдина: „когда знатный бояринъ одѣвался въ золото и жемчугъ, ѣдалъ на серебрѣ и заставлялъ себѣ подавать десятки кушаньевъ заразъ, деревенскій бѣднякъ во время частыхъ неурожаевъ ѣлъ хлѣбъ изъ соломы или лебеды, коренья и древесную кору“. Во многихъ словахъ и по-

ученіяхъ XVI вѣка въ обиліи разсѣяны яркія картины нравовъ того времени, подобныя только-что приведенной. Изображаются грубыя пороки, злоупотребленіе властей, разладъ и интриги въ высшемъ боярствѣ, тяжелое положеніе лишенной правъ и нравственнаго значенія женщины, бѣдственное состояніе рабовъ...

Много было потрачено усилій со стороны лучшихъ проповѣдниковъ на разъясненіе высокихъ истинъ христіанской морали, но ни кроткое слово пастырскаго увѣщанія, ни угрозы обличителей вѣчными муками не производили надлежащаго дѣйствія. Настоящаго пониманія этихъ истинъ не было, а взволнованную совѣсть очень легко было успокоить точнымъ исполненіемъ обряда. Нѣкоторые моралисты того времени довольно близко подходили къ одному изъ вѣрныхъ средствъ, содѣйствующихъ подъему нравственности: „никогда же да не послабиши, говоритъ одинъ изъ нихъ, почивати уму своему“. Но они не догадывались о томъ, что могло разбудить спавшій умъ русскаго человѣка.

Однако вѣками сложившійся строй древнерусской жизни, имѣвшій, повидимому, такія прочныя основы, сталъ замѣтно колебаться, и это съ особенною силою обнаружилось въ XVI вѣкѣ. Русская мысль искала, очевидно, выхода изъ того рѣзко очерченнаго круга интересовъ, за который не смѣлъ переступить московскій книжникъ. Такъ какъ интересы религіозные въ то время господствовали надъ интересами мірскими, то и первое недовольство существующимъ порядкомъ сказалось въ области церковныхъ вопросовъ. Съ одной стороны, какъ протестъ противъ грубаго пониманія религіозныхъ и моральныхъ истинъ и противъ нравственной распущенности, появляется съ конца XIV вѣка цѣлый рядъ ересей, образовавшихся, какъ полагаютъ, не безъ вліянія западныхъ реформаціонныхъ идей. Правда, еретичество впадаетъ въ другую крайность — въ грубое отрицаніе основныхъ положеній вѣроученія, догматовъ, но важно то, что во многихъ еретическихъ головахъ замѣчается стремленіе къ болѣе духовному пониманію религіи и мелькаютъ иногда высоко гуманныя мысли, какъ, напримѣръ, у Башкина, мысль объ освобожденіи рабовъ. Съ другой стороны, среди самого православнаго духовенства съ конца XV вѣка раздаются голоса противъ обрядоваго благочестія, противъ богатствъ монастырскихъ, какъ